

ФИЛОСОФИЯ И ТЕКУЩЕЕ: ЗАМЕТКА О СОБЫТИИ

Николай Семёнов¹

Abstract

The focus of this small philosophical essay is on the question whether it is possible to call December, 19 an *event*? Describing structural (ontologic) characteristics of an event, the author underlines that no tectonic shift (which would be the main indicator of the proper event) occurred in national consciousness. In the essay the author also raises the question of the necessity of transcendent – along with empirical – look at the reality that would allow to reveal aprioristic conditions of socio-political life, including its elements such as power, opposition, democracy.

Keywords: event, reflexing observer, a priori, power, opposition, atmosphere of sociability.

Я думаю, человек измеряется тремя мерами: силой его мысли – силой его характера – силой его любви. Добавим, впрочем, и четвёртую – силу его веры. А где же тут гражданские добродетели? Воля и справедливость? Забота об общем благе? Служение отечеству? Надо полагать, они так или иначе связаны с теми мерами, о которых мы только что упомянули. Но общество – и в особенности общество современное, – как и весь мир, пребывает в состоянии текучести. Мир уже не столько жёстко структурирован, сколько пластичен, всё больше освобождаясь от заборов, преград и границ. И поскольку для его описания уже не подходят такие ставшие, в общем-то, привычными понятия, как «информационное общество» или «общество сетевое», «глобализация» и т. п., то возникают и потребность, и необходимость в переосмыслении когнитивных границ самого этого описания. Обо всём этом подробно пишет Зигмунт Бауман в своей книге *Текущая современность* (СПб., 2008). Следовательно, гераклитовское «панта рей» сохраняет всю свою мощь и актуальность. Успеваешь ли мысль за этой текучестью? успеваешь ли реагировать на неё? Текущие события и наша рефлексия – либо отсутствие таковой. Осмысленность сообщает жизни новое онтологическое качество. Поэтому нелишне напомнить древний, ещё сократовский императив: недостойна человека неосмысленная жизнь. – Итак, философия и текущее; всё та же тема философии становления (а не тождества), Иного (а

¹ Николай Семёнов – кандидат философских наук, доцент кафедры религиоведения Института теологии имени святых Кирилла и Мефодия при БГУ (г. Минск, Беларусь).

не того же самого). И вот из текущего коснёмся теперь события 19 декабря 2010 г. Но было ли это событием?

Мыслить кожей и мыслить головой. – Мыслить кожей, то есть всей беззащитностью, уязвимостью собственного тела, поставленного под удар. Это глубоко запрятанное мышление – или даже пред-мышление, ибо человеческое тело – мыслит. Не только *res extensa*, но и *res cogitans*. Свидетельства этого мышления иного рода, они телесны, они говорят языком ран и связаны с болью и/или наслаждением. Не аналитическое, не синтетическое, а кинестетическое мышление; и оно не может внимать наставлениям и указаниям «абстрактного мышления». Но в этом заключается и его слабость. Оно говорит: прежде чем утверждать, отрицать и учить, иди и испытай на собственной шкуре. – Итак, да, мыслить кожей, т. е. всем нашим телом, ибо человеческое тело – умное тело. И нет – мыслить прежде всего головой, а не руками, сердцем или ещё каким-нибудь органом. Это телесно-кожное, витальное мышление, столь чуткое к ближайшей среде, лишено, однако, зоркости в отношении дали. Оно не может быть стратегическим. Но где событийность, события, там и стратегия, а где только акции, там достаточно тактики. К витальному мышлению способны все, но головой, к сожалению, сегодня, как и вчера, хотят и способны мыслить далеко не все. Поэтому мы не принимаем упрёка, выражаемого известными словами: «ты там не был, ты этого не испытал, ты не знаешь». Сила, могущество и власть мысли в том и состоят, чтобы (по)знать то, где мы никогда не были и даже в принципе быть не можем. Мысль преодолевает простую вовлечённость и противостоит её непосредственности. Она способна к четвероякому движению регрессии, прогрессии, агрессии и трансгрессии. Таким образом, она пронизывает все временные модусы, она проникает и во временное, и во вневременное. Поскольку же и это последнее, то она видит, способна видеть то, что телесными глазами невидимо. Чего нам не хватает, так это подобного мышления. А в харизматической витальности вы, ребята, проигрываете. Так выиграйте хотя бы в рефлексивной и аналитической мощи.

Что такое событие. – Но что такое событие? где есть событие? что его удостоверяет в качестве такового? Дадим по меньшей мере двоякое определение: это высокая интенсивность бытия и, в силу этой интенсивности, это также сдвиг. Отсюда вопрос: произошёл ли в силу известных событий 19 декабря сдвиг национального сознания? Если нет, тогда и события не было, ибо не всякий акт (даже если это протестный акт, хотя и не дотягивающий до революционного) есть событие. При этом дело удостоверения события есть его собственное дело; т. е. событие обладает самодостоверностью. Это не экзистенциальный акт; напротив, скорее последний становится возможным через причастность событию. Его онтологический аспект парадоксален, поскольку событие, с одной стороны, совмещает в себе сингулярность и тотальность, а с другой – личностное измерение и общезначимость. Его динамический аспект говорит

нам о том, что происходит некий тектонический сдвиг в национальном сознании. Можем ли мы, выдавая желаемое за действительное, сказать, что такой сдвиг произошёл? Честно говоря, вряд ли. Событие – и, значит, участие, причастность, вовлечённость, призванность, напряжённость, ответственность. Событие прорывает границы прежнего, устоявшегося; освобождающая мощь события. Событие держит тебя в своей власти, включает в собственную границу, собственный горизонт; обязывающая сила события. Ты обретаешь новую свободу – но вместе с нею и новую ответственность. Если событие было, то каковы его скрытые условия? Если события не было, то что было? Акт сопротивления – говорит одна сторона; акт провокации – утверждает другая. Свидетельства: подозрительная суета властей и какое-то «протестно-жертвенное претерпевание» оппозиционеров. Но здесь стоит упомянуть ещё о двух сторонах конфликта.

Третья и четвёртая стороны. – Кто же они, эти третья и четвёртая стороны? Да не кто иные, как обычные обыватели и рефлексирующие наблюдатели (вроде меня). Спрашивается: в чём заключалась их роль? – Где незримо и молчаливо, но сопричастно эта третья сторона, появляются как минимум блуждающие смыслы – и тот фон обыденности и рутины, который способен очень быстро сгладить что угодно. Но поскольку он пассивен, на нём-то и разворачивается вся обличительно-пропагандистская кампания власти. Безмолвное, равнодушное и незримое присутствие этой третьей стороны на деле является одной из важнейших опор власти. Но есть ещё и пятая сторона; впрочем, мы о ней умолчим. Что касается рефлексирующих наблюдателей, то их своеобразное и, можно даже сказать, виртуальное сопричастие позволяет увидеть изнанку происходящего, которую не видят непосредственные участники. Внешние наблюдатели – свидетели особого рода; среди клановых, партийных, классовых, идеологических, религиозных и т. д. пристрастий они могут быть относительно беспристрастны. И вообще, то, что каким-то образом и кем-то не наблюдалось, как бы не существовало и не существует. В этом смысле (его, конечно, надо было бы уточнить) наблюдение не является всего лишь познавательным актом, в нём сопричастно нечто «онтологическое». Прежде всего удостоверяется со-бытие кого-то и чего-то. Не наблюдаемо в принципе – следовательно, не существует (по крайней мере, не существует эмпирически). И сам акт наблюдения добавляет нечто «прибавочное» к наблюдаемому. Красавица, которую никто не видит, её изящные жесты, её роскошные формы и соблазнительные позы – это одно; но та же красавица, которую мы имеем возможность наблюдать (с вождением, благоговением или эстетическим удовольствием) – это другое. Собственно, на этом построен весь шоу-бизнес – и современная политика тоже. Наблюдение и критикует, и представляет, и сообщает, и сохраняет. Можно сказать и так: оправдание рефлексирующего наблюдателя только в одном – он свидетельствует то, что другие не свидетельствуют. Его

задача (если перефразировать Беккета) в том, чтобы довести социальную незримость до того, что она сама станет вещной – и тогда её можно увидеть и показать. И ещё к этому рефлекслирующему наблюдению я применил бы слова Ива Бонфуа о художнике:

«Художнику необходим другой, более высокий уровень сознательности, тот беспощадный интеллектуализм, который чаще всего – тайный знак предначертанной боли»².

Можно, конечно, негодовать по поводу «пустопорожних интеллектуалов», якобы всё превращающих в игрушку своих умственных упражнений. Мы же хотим подчеркнуть упрямую реальность мысли – и напомнить о том зиянии, не заполняемом эмпирической реальностью, которое образовано как раз отсутствием или немощью мысли. Поэтому – буквально несколько слов об эмпирическом и трансцендентальном взглядах на реальность.

Эмпирический и трансцендентальный взгляды. – В отличие от эмпирического, трансцендентальный взгляд обращает внимание не на вещи, предметность, событийность, а на условия самой их возможности – поскольку эти условия должны быть априорными. Что ж, в социальном мире есть свои «априори» (конечно, неабсолютные в метафизическом смысле). В том-то и дело, что социальные «априори» у власти и для власти не те же самые, что и у оппозиции и для оппозиции; равным образом и наоборот. Значит, на этом «трансцендентальном» уровне (т. е. уже на нём, предваряя эмпирическое столкновение) обозначается противоположность разных социальностей – и, кажется, примирить их в этом виде нельзя, невозможно. Однако это означало бы фатальный раскол общества. И если уж и та, и другая стороны говорят о «демократии» (понимая её по-разному), то следует заметить, что у подлинной демократии тоже есть некие позитивные априори, априорные условия. Мы полагаем, что одним из них (и именно тем, которое следует отнести к безусловному – а значит, оно должно быть закреплено в Конституции, и никакие организованные референдумы не могут на него посягать) является то, что один и тот же человек – какими бы выдающимися качествами он ни обладал – не может бесконечно стоять у власти; не может быть несменяемым и «незаменимым». Два срока – и хватит; займись другими делами. Обладание властью – вещь опасная, а если эта власть практически не контролируется общественностью (которая сама контролируется властью), то и сверхопасная. Государство – системная организация, и оно не может, не должно зависеть от воли и настроений одного человека. Когда он властвует десять, пятнадцать, а то и тридцать, сорок лет, это ненормально. Это наносит ущерб и государству (оно достаточно быстро деградирует к авторитарному, патерналистскому типу, при котором всегда процветает угодничество, интриганство,

² Бонфуа И. *Пространство другими словами: французские поэты XX века об образе в искусстве* / Сост., перев., примеч. и предисл. Б.В. Дубина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2005. С. 186.

коррупция и незаконные привилегии), и гражданскому сознанию (где расцветает и культивируется раболепие), и политике (которая тоже выстраивается соответствующим образом). Человек, который всеми силами и любой ценой цепляется за власть, вызывает в нас не восхищение, а прямо обратное чувство. Это цепляние (показательный пример – то, что происходит сейчас в ряде стран Африки) говорит лишь о том, что без власти такой человек сам по себе – ничто; только власть придаёт ему значимость и некое величие. Что же касается оппозиции с её часто прямолинейными действиями, ей следовало бы задуматься хотя бы над этой фразой А. Мишо:

«Книги читать скучно. Отклоняться запрещено. Ползи по тексту. Путь проложен, другого нет. То ли дело – картина; всё открыто и разом ... Какой там маршрут! Их тысячи. Где остановиться? Выбирай сам ... Вот где надо учиться читать»³.

Читать тексты – нет, картины политических событий. Власть не безобидна; обладание ею имеет свои последствия для человека, любого человека. И хорошо известно, что «власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

Закономерные парадоксы. – Есть парадоксы неожиданные, их трудно предусмотреть, но есть и парадоксы закономерные, связанные с логикой действий противоборствующих сторон. Власть не хотела (такого развития дел), но воспользовалась (им). Она, таким образом, двойственна. О чём это говорит? – Лукавство власти. Оппозиция хотела, но не воспользовалась. Почему и о чём это говорит? – Потому что слаба и не организована должным образом; и потому что не трансгрессивна. Поэтому ни та, ни другая стороны не были свободны – хотя первая говорила об «ответственности», а вторая – именно о свободе. Таковы их иллюзии о самих себе. Забавно, но каждая из сторон работает против того, к чему стремится и чего хочет. Бесконечными пропагандистскими обличениями и осуждениями власть как раз и превращает саму акцию в событие, хотя и с негативным характером. В то же время наивный пафос и витальное возмущение, заявляющие и предъявляющие «истинный смысл» происшедшего, никак не дотягивают до самой событийности акции. Антиномия такова: каждая из сторон в собственном сознании находилась в согласии с самой собой – и каждая из сторон в собственных действиях не находилась в согласии с самой собой. И каждая не может понять того, что «ведь неприятель – это ещё и раскрепощение, сбрасывание цепей, выход, взлёт»⁴. Можно, однако, сказать ещё о своеобразном эстетическом и вместе с тем политическом жесте власти, посредством которого оппозиция фактически изымается из социально-политической реальности ради самого изъятия, так что отныне черпает своё значение только в факте этой своей отрезанности от социально значи-

³ Цит. по: Бонфуа, указ. соч., с. 64.

⁴ Там же.

мого окружающего. Что ж, она тоже попыталась осуществить свой эстетически-политический жест – и спор может идти о том, удался он или нет. Она относится к этой власти в форме её отрицания – домогаясь власти, то есть относясь к ней как таковой в форме признания. И потому она сегодня у нас не способна к настоящему анатомированию власти – и притом страстно желает, так сказать, нарастить свой вес. С другой стороны, государство (не в своей политической тактике и стратегии, а в самой своей «государственной экзистенции») непредсказуемо, если у него – у государственной власти – нет никакого противовеса.

Атмосфера общительности. – Её-то нам и не хватает. Атмосфера общительности – как её достичь? Как она вообще возникает – или обустроивается? Ибо, по словам Мишеля Деги, она «и есть место суждения, главная инстанция, выносящая решение об истине и реальности, заместившая Страшный суд и любых преторов, древних и новых»⁵. А новые – это кто? Как раз – наши политики, политические комментаторы, чиновники, официальные лица. Теперь они устраивают нам «Страшный суд» и монополизируют «атмосферу общительности», расчерчивая её сетью предписаний и скучнейших квадратов; и не вздумайте, впав в «неуместность, непристойность и некорректность», нарушить их чётко очерченные, но умалчиваемые границы. Поэтому в этой масс-медийной трескотне об «успешности» и «позитивности» мы должны ощутить тоску по открытой во все стороны атмосфере общительности, которой можно наслаждаться, даже не замечая её, ибо она стала привычной, как свежий ветер в середине весны. Но сначала это предполагает борьбу за новую условность (а это всегда то, что меняет отношения между образом и миром); борьбу, которая не может не быть довольно-таки жёсткой, за новые условности, не принадлежащие ни квазисоветскому, ни авторитарному, ни аморфно либеральному, ни национал-патриотическому стилю жизни и политики.

---

⁵ Бонфуа, указ. соч., с. 299.